Текст · 25 марта 2022, 17:17
Тимофей Пнин, Мария Климова,

«Находиться дома в гнетущей безопасности как-то тяжело». Бежавшие от уголовных дел в России активисты — о том, как стали волонтерами на границе Польши и Украины

По данным ООН, Украину из-за войны покинули уже 3,7 млн человек. В Польшу бежала большая часть из них, 2,2 млн, огромный поток беженцев идет через небольшой город Пшемысль. Каждый день туда приезжают тысячи людей, помогать которым приезжают волонтеры со всей Европы. «Медиазона» поговорила о происходящем в лагере с несколькими активистами, которые были вынуждены уехать из России из-за риска уголовного преследования, а теперь на границе помогают беженцам из Украины.

Александр Фой, 33 года. «Такой маленький апокалипсис для нас всех»

Уехал из России в 2012 году на волне преследования антифашистов и анархистов российскими властями — опасался уголовного дела.

Я был активистом антифа-движения, и в свое время, 10 лет назад, мы все огребли от общих проблем тогда, вот я тогда и уехал. Это конец 2011 —середина 2012-го.

Я социальный работник и работаю в Хельсинки с детьми-иностранцами в местной школьной системе

— чтобы она была более инклюзивной. Чтобы могла к себе принимать людей разных культур, и чтобы люди разных культур могли интегрироваться и становиться частью общества. Это чем я занимаюсь профессионально.

Почему решил поехать в Пшемысль

[Когда началась война], я находился дома в Хельсинки. Это ожидаемо было, этого ждали со дня на день, поэтому уровень тревоги и так уже был высок. Проснулся и увидел новости [о вторжении России в Украину]. Сразу показалось, что все катастрофично. Налеты были сразу по всей стране практически, по центральной и восточной части, и я подумал, что это катастрофа. Такой маленький апокалипсис для нас для всех.

Я работал до этого с беженцами, когда была война из Сирии и из Ирака, работал с сомалийцами с афганистанцами, с разными национальностями. Я понимал, что сейчас будет — и так получилось, что буквально на второй день после войны ко мне обратился Ян, мой приятель. Говорит, у меня есть друг с Украины — он остался здесь в Финляндии, помоги подать на убежище, ты знаешь, что делать. Я ему помог, и в этот же день появилась идея, что нам надо ехать в Польшу и помогать там людям.

И вот мы, сидя на кухне, — это был понедельник, 28 февраля, — решили ехать. 2 марта мы были уже в Варшаве. Мы приехали, нам помогли знакомые арендовать минивэн на две недели. Забрали минивэн и поехали в Пшемысль[1], а потом сразу на Медыку,

это пять-семь километров от Пшемысля, сам

погранпереход. У нас было понимание, что нам нужно сразу на границу.

Что увидел на границе — «максимальный Fallout»

Приехали — и там был полнейший хаос, тотальный хаос. Потому что еще не была четко организована логистика. Мы приехали и увидели толпу бедных людей, которые переходят пешком эту границу. И эта темнота, они все грязные, уставшие, тревожные, с детьми на руках. Это выглядело — максимально хоррор. Ты видишь людей, которые греются возле бочек с грудными детьми на руках, дети плачут. Это максимальный Fallout[2] какой-то.

Украинские беженцы прибывают в Медыку. Фото: The Yomiuri Shimbun / AP

Мы подъехали прямо к границе, где стояли толпы людей и несколько волонтеров, которые пытаются всех там как-то накормить, согреть и успокоить. Эти волонтеры увидели нас, сразу же подбежали к нам, говорят: ребята, помогите нам, можете забирать отсюда людей? И вот мы приехали вечером и почти всю ночь стали возить людей от границы до ближайшего центра размещения, который был в Пшемысле.

На границе было несколько огражденных территорий, куда людей стягивали, и вот туда приезжали автобусы. То есть мы увозили людей, а в

это время приходили другие люди. Там было такое просто постоянное *flow*[3], несколько тысяч человек находилось в один момент на небольшом пятачке.

Беженцы — «все молятся, чтобы бомба не упала на вагон»

Истории, конечно, там были прям... ну, когда тебе ребенок рассказывает, что мама, помнишь, мы отъезжали на поезде, и бомба упала рядом с поездом? И вот ты сидишь, это слушаешь — и думаешь, зачем ребенку это знать. Или когда они ехали на поездах — поезд едет очень медленно — все отключают свои телефоны, везде погашен свет, все молятся, чтобы ракета не ударила в поезд, чтобы бомба не упала на вагон.

И вот мы их встречаем, они говорят: «А мы уже в Польше?». То есть они только что прошли пункт пропускной, но они не понимают, где они. И им надо дополнительно объяснить, что все, они в безопасности и вам ничего не угрожает — вы уже в Евросоюзе, мы о вас позаботимся.

У людей максимальный уровень тревоги. Мне как социальному работнику понятно, такой инфантилизм у людей вызван вот этим тревожным состоянием. Многие в первый раз за границей. Люди потеряны.

Мы девочку одну отправляли в Финляндию. У нее снарядом убило маму и друга, ей ногу покалечило, она на инвалидном кресле была — ей 17 лет. Бабушка одна рассказывала, как у нее российские солдаты забирали золото, телефон.

Как устроен лагерь для беженцев

Мы приехали, наверное, в первый день существования лагеря [в торговом центре *Tesco*[4]]. В первый день,

когда мы туда приехали, там тоже был хаос. Ты просто мог ложиться, где тебе удобно. Не было никаких логистических веток, которые были позже там выстроены. Потом система была отлажена.

Как все устроено. Человек приходит, мы его встречаем, регистрируем. Нам уже не нужно было потом, в последнюю неделю — мы там две недели были — на границу ездить за людьми, потому что уже наладили логистику. Военные с пожарными забирали людей с КПП и привозили в лагерь. Но, соответственно, это в лагере создавало периодически большие *flow*.

Лагерь в торговом центре Tesco. Фото: Александра Аксенова

Кто-то из бежавших знает, куда дальше едет, кто-то не знает — им бы главное покинуть этот ужас. Были комнаты по направлениям, у нас была комната «Скандинавия и Прибалтика», были отдельные

комнаты на Германию, отдельная на Францию с Испанией и отдельная, самая большая комната, — она называлась *No Destination*, то есть это люди, которые выехали [из Украины] и еще не знают, куда им дальше. Им надо определяться.

И в состоянии стресса, в состоянии повышенной тревоги, возможно, при каких-то первых признаках посттравматического стрессового расстройства человеку нужно принять решение, куда он едет дальше жить. Это не то решение, которое человек в таком состоянии должен принимать.

Поэтому в комнате *No Destination* люди могут зависнуть. Они уже нашли свое какое-то микроспокойствие, им может быть даже психологически оттуда трудно выбраться. Я видел людей, которые зависли там на неделю без каких-либо причин. Самый большой поток в Германию. Франция — очень популярное направление.

Там мы помогали людям со всем буквально — от поесть до посадки в автобус до Берлина, или куда им надо дальше. Мы сняли специально две комнаты в отеле, в одной мы были сами, а другую — чтобы можно было там размещать людей с младенцами. Потому что мы не могли смотреть на то, как человек с месячным младенцем находится в этом лагере, где санитарные условия никакие, — и вот мы туда отвозили людей с маленькими детьми. У нас там была мама с четырьмя детьми, оставалась на две ночи, пока за ней не приехали родственники из Финляндии.

В лагере работает большое количество волонтерских кухонь, там же «Врачи без границ». Там же большое количество организаций, которые занимаются своими секторальными волонтерскими делами, они там присутствуют и выполняют свою работу. 31 марта мы снова туда поедем на двух автобусах, не знаем, останемся ли там, или просто заберем оттуда людей и увезем в Финляндию.

Отношение польских властей — «солидарность на зашкаливающем уровне»

Насколько я понимаю, работой лагеря руководят местные власти. Я в этом лагере видел мэра города [Войцеха Бакуна] через день. То есть он включен, это чувствуется и видно. Он сам, как я понимаю, с каким-то военным бэкграундом, в военной униформе и там был вместе с военными.

Сначала его критиковали чуть-чуть за то, что он не сразу включился. А потом вся эта организация, эти военные, эти пожарные — это, я как понял, его инициатива. Они подключили все возможные службы и городские, и региональные. По его делам мне проще всего судить, он включился в свою работу и показывает свое участие и заинтересованность. Вспоминать на каких голосах он выезжал, тем более более в Польше — там кому угодно можно предъявить, что он заезжал во власть на консервативных голосах[5].

Фото: Александра Аксенова

Польша вообще поражает своим отношением. Потому что именно такой солидарности от поляков, наверное, не ожидали. По всей Польше украинские флаги, солидарность на каком-то зашкаливающем уровне.

Мы общались на русском языке. Надо понимать, что большое количество беженцев сейчас из более русскоязычной части Украины. Очень много было людей из Харькова. И на русскую речь никто не реагировал негативно. Ни разу. Там этот вопрос не стоит.

После возвращения — «нас самих уже не осталось»

Когда ты видишь, как целый народ, бедный, уставший вынужден бежать... Ты это видишь — это самое сильное ощущение, ощущение масштабов катастрофы. Первый раз мы в таком месте. Мы приехали оттуда немного другими людьми.

Я гуманист, я понимаю, что я нахожусь точно на своем месте, где мне и надо находиться. Я увидел войну, какой-то ее кусочек, в первый раз

в жизни. Это ужасно, но одновременно как-то по-исторически интересно быть участником этого. И важно чувствовать именно участие, потому что сидение на месте, скроллинг новостей — он только повышает уровень тревоги. А когда ты что-то делаешь, ты не такой тревожный, ты становишься частью происходящего.

Мы пробыли там две недели, и сразу по приезду обратно ощутили на себе какие-то… это был перегруз физический и психический. Мы приехали, мы все заболели на один день буквально, три дня не выходили из дома и не хотели общаться. Ты отдаешь людям себя всего настолько, что мы приехали, и поняли, что нас самих уже не осталось. Надо сесть дома и перезарядить все батарейки, они оказались пусты.

После поездки нам стали многие писать. У нас есть телеграм-канал о получении убежища в Финляндии. И нам пишут люди, наши контакты передают другим , те пишут, как нам выбраться и как добраться. Мы уже во всей этой теме, хотим мы этого или нет.

Волонтер с ребенком в спортзале начальной школы, которая является временным убежищем в Перемышле. Фото: The Yomiuri Shimbun / AP

Кирилл Чернов[6], 35 лет. «Если останавливаешься на минуту, то погружаешься в ад»

Уехал из России в 2013 году из-за опасности попасть под уголовное преследование по «болотному делу» о протестах в день очередной инаугурации Владимира Путина 6 мая 2012 года. Получил политическое убежище в Испании.

Мне пришлось уехать из России в 2013 году: друзья предупредили, что видели меня на видеозаписях, приобщенных к материалам следствия по «болотному делу». Я попросил политубежище в Испании, и с тех пор живу там. Со временем переключился на какую-то местную движуху, но продолжал, хоть и поверхностно, следить за новостями из России. С самого отъезда я был уверен, что в течение 10 ближайших лет случится какая-то жесть, что Путин падет.

Почему решил поехать в Пшемысль

Уже через день-два после начала войны мы с друзьями — некоторые, как и я, получили политубежище в разных странах — начали думать о том, чтобы ехать в Украину помогать соратникам[7], но потом осадили. Для местных мы те же россияне, нам там мешок на голову оденут — и привет. Оставался вариант поехать на границу, в Пшемысль, помогать беженцам. Мы присоединились к ребятам, которые везли гуманитарную помощь из Франции, и так 8 марта оказались в Польше.

Что увидел в лагере — «тысячи людей, все воют, кричат, говорят про бомбы, про пули, про разрушенные города»

В торговом центре, где разбили лагерь, беженцам надевают напульсники, такие бумажные браслеты с номерками, чтобы потом соединять их с номерками водителей. Отсеки, в которых раньше были магазины, заняты представительствами разных стран — там сидели чуваки от разных организаций, возможно, от посольств, составляли списки и собирали автобусы, которые через два-три дня приезжали и увозили беженцев.

Фото: Александра Аксенова

Грубо говоря, по структуре это напоминало большущий музыкальный фестиваль: на улице стояли палатки с веганской едой, какие-то чувачки делали пиццу, внутри — общее помещение, браслетики для прохода, общая кухня, ящики с одеждой.

Я занимался всем подряд: разгружал и загружал автобусы, помогал сориентироваться беженцам, кому-то транспорт найти, кому-то — кровать, кому-то переводом на испанский, английский — невозможно заниматься чем-то одним. Там хаос, все меняется каждые десять минут, каждый час и каждый день. Поэтому ты всегда там найдешь, что делать, там

всегда нужно чем-то заниматься и всегда не хватает рук.

Если останавливаешься на минуту, то начинаешь задумываться и погружаешься в какой-то ад: тут тысячи людей, все воют, кричат, говорят про бомбы, говорят про пули, говорят про разрушенные города, говорят про потери. И если ты останавливаешься, то начинаешь погружаться в это.

Беженцы — с инвалидностью, с детьми, с животными

Конечно, у меня спрашивали откуда я и почему знаю русский. Я объяснял и в основном все относились к этому нормально. Я слышал много слов благодарности, многие говорили русскоязычным волонтерам, что они молодцы. Было и несколько более мрачных историй. В первый же день мой приятель начал помогать какой-то женщине, она у него спросила, почему он так на русском говорит хорошо, а когда он сказал, что он политбеженец-россиянин, она ответила: «Все, уходи отсюда, ***** [к черту] иди». Были истории, когда принципиально отказывались говорить на русском. Но в основном было понимание, что это история не про какую-то конкретную нацию, а про смерти людей, потерю близких, дома — всего.

Люди шли постоянно, но в какой-то момент поток усиливался, чаще почему-то ближе к трем часам ночи и шести утра. Среди беженцев были преимущественно женщины с детьми, были взрослые мужчины, некоторые из них с инвалидностью — на костылях, без ног. Молодым из Украины уехать

гораздо сложнее. Был глухонемой парень, которого не хотели выпускать из Украины, ему вместе с семьей пришлось вернуться во Львов, чтобы сделать какие-то подтверждающие бумажки, только тогда их выпустили.

Фото: Александра Аксенова

Отдельные волонтеры помогали людям с животными: выдавали бесплатный корм, поводки, миски, переноски. Животных очень много. Большинство едут с кошками и мелкими собаками, хотя кто-то сумел вывезти и хаски, и лабрадора, не знаю уж как.

В один из дней мы собирали автобусы на Францию. Мы заранее договорились с организацией, что с животными можно. Но в день отправления водитель жестко ответил: «Нет, я собак не буду брать». А там уже несколько человек с собаками были записаны. Одну женщину все же пустили, но у нее собака просто в рюкзак влезла, голова высунулась и как бы пофигу. А у другой девчонки, Таня ее зовут, у нее собачка не влезала.

Я побежал переноску искать, переносок нет, я волонтерам говорю: «Смотрите, ситуация там

херовая, водила просто мудак, давайте искать». В итоге нашли чувака, он принес кошачью переноску. Но собака — 12 килограмм, она не влезла туда. Ну она и не хотела в общем-то туда влазить, и физически ей там было очень неудобно. В итоге разрулилось так, что мы Татьяну отправили на другой машине с волонтерами, и на следующий день она спокойно отправилась с собачкой в Париж.

Эта девушка, кстати, из Донецка. В 2014 году она уехала в Харьков, а через восемь лет понятно, что случилось. Поэтому сейчас она говорит: «Все, я уже не вернусь, я не могу больше».

Куда и как люди уезжают с границы

Надо понимать, что люди там на диком стрессе. Очень хаотичная ситуация, большая трагедия. Никто в этом лагере сидеть не хочет. Они приезжают в 2 часа ночи и сразу спрашивают, когда автобус на Варшаву или когда автобус на куда угодно. Они хотят уехать прямо сейчас, не отдыхать после дороги.

Мне никто не говорил, существуют ли на этот счет какие-то правила, но на практике дольше пяти дней люди в этом центре не задерживаются. Либо договариваются с водителями минивэнов или легковушек, и те везут их, куда надо, либо ждут автобусов от представительств.

Минимум раз в неделю приезжали автобусы из Франции, Германии, Испании, Австрии и других стран. Уехать оттуда было несложно, другой вопрос, что не все знают, куда они хотят поехать. И если ты не

знаешь, куда вообще отправиться, то ты сидишь там на иголках и спрашиваешь у всех, где лучше.

Люди пытаются уехать туда, где у них есть родственники, друзья, хотя бы какие-то минимальные связи. Я думаю, что люди просто хотят валить из этого центра — картинка беженства никому не нравится, никто не хочет там сидеть, многие повторяют: «Мы не беженцы, мы не хотим быть беженцами». И люди пытаются за минимальные контакты уцепиться, даже если речь идет о тех, с кем они где-то когда-то познакомились.

Например, одна женщина рассказывала, что ее дочь по обмену летала в Испанию, отношения с принимающей семьей у нее не сложились. Но даже в этой ситуации та семья им написала: «Если вам нужно бежать из Украины, то можете у нас остаться». Люди поднимают самые-самые дальние связи.

Фото: Руслан Аблякимов

Те, кому совсем некуда податься, спрашивают у волонтеров, где лучше условия для беженцев. В таком случае тебе ничего не остается, кроме как рассчитывать на посольство, государство, либо на какие-то самоорганизованные группы — анархистов,

леваков. Такие там тоже волонтерят, возможно, они тоже помогают с заселением. Но, конечно, большинство рассчитывает на помощь европейских посольств — на Германию или Францию, еще Голландию, может быть.

Ну и, разумеется, Польша. В Польше люди хотят остаться каким угодно макаром, перекантоваться и вернуться домой в Украину при первой возможности. На мой взгляд, это, к сожалению, очень узкое видение ситуации: как бы это ни закончилось, ну... ****** [очень плохо] будет. И если предположить, что это закончится так, что Россия придет, то захотят ли они возвращаться в Россию?

В общем, сложно сказать, на что люди рассчитывают, но все равно склоняюсь к тому, что они принимают решения в суперстрессе: они в дороге три дня, они приезжают и у них нет какой-то уже надежды, другого плана нет, как вернуться. В такие времена ты не можешь себе представить, что будет послезавтра.

«Если США и Англия не будут забирать беженцев, Европа лопнет просто»

Но пока большинство старается остаться рядом, поближе к дому. Но тут и другая проблема — Польша уже рвется, другие страны тоже заполняются. Я думаю, дай еще этому месяцок — и Евросоюз закроет границы, если такой же поток будет. Если США и Англия не будут забирать беженцев, то Европа лопнет просто. Капитализм с этим не справится, слишком много нужно будет денег. Тут полно пустой недвижимости, но никто не будет людей туда селить. Частная собственность же, хотя это и тупо — люди

будут тысячами на улицах жить, а хаты будут пустые стоять.

Мне бы хотелось еще раз поехать туда. Не ради какого-то дурацкого туризма, мне хочется побольше отдать этому. Вся эта ситуация должна разбудить нас, во-первых. А, во-вторых, должна нас научить чему-то новому. Чему-то хорошему, а не злому.

Волонтерка держит за руку украинского беженца в Медыке. Фото: The Yomiuri Shimbun / AP

Александра Аксенова, 26 лет. «Война пришла в наш дом»

Жена осужденного по «делу "Сети"» Виктора Филинкова, которая рисковала и сама стать одной из обвиняемых — телеканалы называли ее «главным идеологом предполагаемого террористического сообщества». В 2019 году получила политическое убежище в Финляндии.

Я покинула Россию четыре года назад, когда против меня и моих друзей началось уголовное преследование. В том числе когда моего мужа Виктора Филинкова задержали и пытали в Петербурге, он до сих пор отбывает свой срок, его приговорили к семи годам лишения свободы. Он сейчас находится в ИК-1 в Оренбурге. Исходя из этого кейса, дела «Сети», я получила убежище в Финляндии.

Почему решила поехать в Пшемысль

В воздухе витала война. С утра 24-го, просыпаешься, начинаешь листать новости и понимаешь, что все — пришла война. И с этого момента все дни слились в один. Мы пребывали в перманентном ужасе, как-то пытались отвлекаться на всякие попытки помощи волонтерской. Но в какой-то момент поняли, что находиться дома в гнетущей безопасности и спокойствии как-то тяжело.

Фото: Александра Аксенова

В Пшемысль мы приехали в прошлое воскресенье [20 марта]. Мы приехали на смену друзьям — и остались на неделю. Они там волонтерили на протяжении двух недель.

У меня очень сильная эмоциональная и родовая связь с Украиной, у меня мама из Днепропетровской области, там живут все мои родственники по маминой линии. В Украине живет много друзей. Для меня эта страна, в которую я хочу и буду возвращаться, и по которой я так или иначе скучаю. Для меня это такая маленькая личная травма. Я чувствовала себя сопричастной этому. Когда все это случилось, единственная фраза, которая

была в нашем диалоге, охарактеризовывающая все происходящее: «Война пришла в наш дом».

Что увидела в лагере — «люди приезжают в абсолютную неизвестность, они в чужой стране, они потеряны»

Город [Пшемысль] жил спокойно, особенно на контрасте того, что происходило на вокзале и в самом лагере. В лагере же было ощущение многогранного хаоса. То есть все как будто бы под контролем, но в это время понимаешь, что все буквально держится на импровизации. Лагерь функционировал на горизонтальных началах — если ты хочешь что-то делать, то бери и делай. Потом уже местные власти вмешались, чтобы взять все под свой контроль, что у многих волонтеров вызвало раздражение.

Основная проблема в лагере — это недостаток переводчиков. На первых порах волонтерами были в основном поляки, а по-украински они не очень хорошо понимают.

Основной приток людей начинается вечером и продолжается до глубокой ночи. До часу, до двух ночи — беспрерывный поток людей. Ты объясняешь людям, что нужно делать, куда надо пройти, чем можно воспользоваться. Люди приезжают в абсолютную неизвестность, они в чужой стране, они потеряны, они понятия не имеют, что им делать. Многие люди не знали, куда им дальше двигаться. Мы много работали на стойке регистрации.

Один из вопросов беженцам: «Куда вы дальше направляетесь?». Многие люди говорили, что они

хотят остаться в Польше, чтобы быть поближе к Украине, чтобы была возможность быстро вернуться. У них есть все равно надежда на то, что скоро все закончится, что они вернутся обратно. Они боятся далеко уезжать. Они не хотят уезжать туда, где у них нет друзей и родственников. А Польша им более-менее понятна. На нас также была обязанность сформировать списки людей, которые отправляются на автобусах в Финляндию.

Фото: Руслан Аблякимов

В сам лагерь без браслета на руке человек зайти не может. Внутри и снаружи все охраняют полиция и военные. В лагерь постоянно приходит гуманитарка, поэтому проблем с едой и дефицитом вещей нет. Какое-то время там даже были испанцы, которые с ноги хамон нарезали. В коридоре стоял огромный стол со всем нужным для животных: переноски, лотки, корма, все, что можно было. Многие уезжали из Украины с животными.

В целях борьбы с трафикингом людей просят записывать данные водителей, которые согласились их отвезти, и, желательно, сделать с ним селфи. А если водитель отказывается, то лучше не ехать. Люди оказались в уязвимом положении, в основном

это женщины с детьми. Мало ли что может на ум прийти каким-нибудь нехорошим людям. Некоторых беженцев сразу везут на вокзал от Медыки, чтобы дальше на поездках их отправлять в Европу. В день лагерь приезжают тысячи полторы человек.

Сидим мы на стойке регистрации, идут люди, целая толпа. Там очередь гигантская, с детьми, женщины. Дети плачут собаки кричат. Мы стараемся всех быстро оформлять, проводить в зал в зависимости от страны. И вот к чуваку по соседству подходит мужик, оформляют его, спрашивают, в какую страну вы хотите поехать. Он отвечает: «В Ростов-на-Дону». Это одна из самых веселых историй.

Еще есть анекдот, что в Пшемысле нет ковида. Там каждый день тысяча людей приезжает, тысяча уезжает, маски никто не не носит. На дистанцию всем все равно. Но в целом это правда. Потому что до того момента, пока я не приехала в Финляндию, я не болела. Теперь я собираюсь выздороветь и ехать туда обратно, чтобы не болеть.

Волонтер помогает пожилой женщине идти по платформе на железнодорожной станции в Перемышле. Фото: Sergei Grits / AP

Руслан Аблякимов, 29 лет. «Ужасно, когда видишь плачущих детей в таком количестве»

Бывший сотрудник федерального штаба Навального-[8], пытался открыть региональный штаб в Махачкале, но был избит неизвестными. Эмигрировал в Польшу осенью 2021 года, опасаясь уголовного преследования после запрета в России всех структур Алексея Навального и признания их «экстремистскими организациями».

Я покинул Россию, когда все эти дела об ФБК как экстремистской организации начались. После того, как Навального арестовали [в январе 2021-го], я поехал открывать штаб в Махачкале. Это, собственно, был наш последний открытый штаб, просуществовал он прям очень недолго. Я искал помещение, за мной следили, меня избили и, в общем, потом я в Москву вернулся.

Я физически не мог работать там, потому что в режиме постоянной слежки я просто ничего не мог делать. За мной буквально ходили по пятам и я как-то от них скрыться не мог. Я нашел других людей, которые могли вместо меня открыть штаб в Махачкале. Это было в марте — их похитили, мы долго не знали, что с ними. Их забрали в спецприемник по надуманным статьям.

Я уехал в Турцию учиться, а потом получил гуманитарную визу польскую и уехал в Польшу. Сейчас я живу в Варшаве, приехал сюда как студент: поступил в Европейский гуманитарный университет в Вильнюсе. У нас удаленка. Еще пишу статьи для «Идель.Реалии»[9].

Почему решил поехать в Пшемысль

С утра 24 февраля я от своей знакомой увидел сообщения, что война началась, и я просто опешил. Это личная трагедия была. Потому что у меня много родственников в Украине живет, я сам крымский татарин, поэтому это событие для меня было экстраординарное.

Я был в этом лагере в три захода. Когда первый раз там находился, мы спали в машинах. Были достаточно экстремальные условия, мы спали по три-четыре часа буквально. В последние дни я работал с восьми утра до семи утра следующего дня. В какой-то момент я перестал что-либо соображать.

Фото: Руслан Аблякимов

Первый раз в Пшемысль мы приехали 26 февраля, практически сразу после того, как в Польшу стали прибывать беженцы. Что подтолкнуло? На самом деле, с одной стороны было интересно, потому что это все равно достаточно историческое событие происходило.

Что увидел в лагере — «был один жесткий день, когда приехали 27 тысяч человек»

Нас сначала три человека было. Мы сначала приехали, чтобы забрать людей с границы. Мы поняли, что

многие люди едут в никуда. Местные власти сначала решили устроить лагерь для беженцев на парковке торгового центра *Tesco*, а потом этот лагерь «захватил» сам торговый центр. Там стоят раскладушки, там реально много людей, и постоянно прибывают люди из-за границы.

Как только эта ситуация началась, к *Tesco* стали прибывать люди из Польши, из каких-то других стран Европы, которые предлагали жилье и работу. Это впечатлило, честно говоря, я не ожидал увидеть такую солидарность с украинцами.

На границе мы занимались координацией людей, их надо было как-то координировать. Пшемысль город маленький, всех людей принять не может. И нужно было помочь людям как-то сориентироваться, чтобы они ехали дальше, куда-нибудь хотя бы в крупные города Польши.

Был один жесткий день, когда в наш лагерь приехали 27 тысяч человек. Это самый загруженный день был. И нужно было этот поток как-то разгрузить, потому что нереально было их всех разместить в этом торговом центре. Кого-то, например, матерей с маленькими детьми распределяли по школам, в спортзалах организовывали как раз такие пункты приема.

Изначально казалось, что лагерь в *Tesco* был стихийный: еду и какие-то вещи привозили волонтеры и волонтерские организации. Но шаг за шагом уже местная власть стала все это в свои руки брать. В какой-то момент много полицейских приехало, приехало много польских скаутов. В

какой-то момент основной массой волонтеров стали эти польские скауты. Было много военных, на пожарных автобусах вывозили людей с границы.

С мэром Пшемысля я общался, какого-то антагонизма с его стороны по отношению к украинцам не видел. Сейчас поляки достаточно лояльно относятся к украинцам.

Едой занималась волонтеры из разных стран. Уже после того, как я уехал, там даже хамон был.
Мне сложно представить существование лагеря для беженцев, где есть хамон. Бургеры раздавали, пиццу готовили. По-моему, еще сикхи были, они готовили вегетарианскую еду. Ходили такие колоритные мужчины в цветных тюрбанах и раздавали еду. Было достаточно интересно наблюдать вот это все. Там реально такой был Вавилон. Кроме украинцев среди беженцев были вьетнамцы, арабы, афганцы.

Беженцы прибывают в Пшемысль. Фото: The Yomiuri Shimbun / AP

Беженцы — «много было мужчин, которые возвращались в Украину, чтобы в ВСУ вступить»

Одна семья рассказывала, как они 12 километров шли по путям в метро, семь станций, когда эвакуировались из Харькова. Многие рассказывали об уничтоженных домах, многие убегали без документов. Очень много было людей, мужчин, которые, наоборот,

возвращались в Украину, чтобы в ВСУ вступить или в тероборону. Они прям сознательно понимали, что на фронт едут. Они были с какой-то мимолетной грустью в глазах, но даже как-то улыбались. Эта улыбка была грустная. Я думаю, что многие понимали, что их там ждет.

Российское гражданство в среде волонтеров украинцы в целом воспринимали нормально. Какой-то неприязни я не увидел, многие удивлялись, что россиянин тут приехали и волонтерит. К тому же большинство, кто бегут от войны, это жители восточных регионов Украины, из Харькова. Они почти все на русском и разговаривают. Россия бомбит людей, которые на русском разговаривают. То есть она говорит, что спасает русскоязычных, но по сути наибольший удар на себя русскоязычные и приняли. Было очень много людей из Киева, Чернигова, Кривого Рога, из Донецкой области.

«Ощущение войны приходит, когда умирает кто-то знакомый»

Ужасно, когда видишь плачущих детей в таком количестве. Ужасно когда видишь, что люди потеряли жилье. Часто приходилось многих успокаивать. В какой-то момент это сильно давит на психику, но, наверное, к этому привыкаешь.

Тут стоит как раз упомянуть историю с моей знакомой Оксаной Баулиной. Все равно, наверно, до того, как у тебя какой-то первый знакомый на войне не погибнет, ты всю эту войну воспринимаешь не как что-то личное. То есть я все равно в это не погружался, наверное, до того момента, пока не

пришли сообщения, что Оксана погибла. Ощущение войны приходит, когда умирает кто-то знакомый тебе.

Редактор: Егор Сковорода

1. Большинство героев материала произносит название города как Пшемышль, но мы приводим более традиционное написание.
2. Серия компьютерных игр, действие которых происходит в мире после ядерного апокалипсиса.
3. Течение (англ.)
4. Когда украинские беженцы стали прибывать в Польшу, этот торговый центр в Пшемысле еще не успел открыться и начать свою работу — так что его пустые площади решено было использовать для размещения беженцев.
5. Войцех Бакун был избран мэром Пшемысля в 2018 году. Он выдвигался как кандидат от правопопулисткого движения Kukiz'15.
6. Имя изменено.
7. Украинским антифашистам и анархистам.
8. Минюст внес в список «иностранных агентов» одно из юрлиц штабов Навального «Фонд защиты прав граждан "Штаб"».Мосгорсуд признал штабы Навального экстремистской организацией и запретил ее деятельность в России в июне 2021 года.
9. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Идель.Реалии» внесены Минюстом в реестр СМИ — «иностранных агентов».